

только описывать, но и прогнозировать количественные зависимости.

В главе 4 («Фонетический, грамматический и семантический аспекты исследования лексики») обсуждаются проблемы количественной характеристики эстонского слова: 1) особенности фонетического строения слова (встречаемость согласных и гласных в разных позициях, структура односложных слов, длина слова в буквах и в слогах, распределение словоформ по длине, связь между длиной и частотой слова и т. п.), 2) особенности грамматической структуры слова (словообразовательная структура простых и сложных слов, частота словообразовательных суффиксов, словосложение, словообразовательный потенциал слова, распределение частей речи), 3) вопросы деления множества существительных на универсальные лексико-семантические группы и полисемии. Примечательно, что при рассмотрении распределения слов в лексико-формационных группах автору всегда удается обнаружить логарифмический или логнормальный закон.

Глава 5 («Лексико-стилистический анализ текстов») связана со следующими концентрированными проблемами: 1) оценка лексического богатства текстов (предлагается метод с использованием выражения нарастания объема словаря на основе модели, разработанной автором), 2) измерение лек-

сической связи текстов (предлагаются два новых метода — измерение близости текстов при помощи стандартного индекса лексической связи и сравнение текстов при помощи корреляционного и факторного анализов) и 3) кластер-анализ текстов. Эта глава очень богата как общими, так и конкретными результатами.

Рецензируемую работу следует считать серьезным вкладом как в теоретический арсенал количественной лингвистики, так и в количественное изучение лексики эстонского языка: 1) в ней на основе обобщения прежних результатов впервые разработана и практически применена единая методология, т. е. количественно-системный подход к изучению лексики, включая изучение фонетико-фонологической и морфологической структуры слова, объединяющая группировку (классификацию, кластеризацию) и моделирование с помощью распределений эмпирического материала, 2) в ней установлено, что основные количественные закономерности организации словаря и текста описываются весьма определенными общими формулами (функциями), 3) проведен всесторонний единый анализ системы лексики эстонского языка в синхронном, диахронном, сравнительно-типологическом и даже в социальном плане.

ТИИТ-РЕИИ ВИИТСО (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1985.4.17>

Н. А. Агафонова, Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1983.

14 ноября 1983 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук ассистентом кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева Н. А. Агафоновой на тему «Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области». Научный руководитель

— доктор филологических наук профессор П. Аристе. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук В. Палль (Таллин) и кандидат филологических наук А. П. Феоктистов (Москва).

Работа Н. А. Агафоновой представляет собой прямое продолжение исследований в области финно-угорской и мордовской диалектологии, которые начиная с 1950-х годов ведутся в ряде научных центров СССР. За этот период изучались большинство мокшанских и эрзянских говоров на территории Мордовской АССР и от-

дельные диалектные группы за пределами республики (преимущественно в Татарской АССР, Горьковской и Пензенской областях). Об особенностях развития говоров куйбышевской мордвы до рецензируемой работы по существу никакой научной информации не существовало. Этим в полной мере определяется актуальность выбранной темы и вместе с тем научная новизна проведенного исследования.

Работа состоит из общего введения, двух глав — «Словоизменение имен существительных» с несколькими подразделами посвященными детальной характеристике фонетических, фonomорфологических, морфологических и семантических особенностей основного, указательного и притяжательного склонений, и «Словоизменение местоимений» с соответствующими подразделами о формах и функционировании местоимений различных разрядов — и заключения, подводящего итоги изучению мордовских диалектов на территории Куйбышевской области. Кроме хорошо составленной библиографии, в работе имеются два небольших приложения и две лингвогеографические карты. Общий объем работы — 196 страниц машинописного текста. Исползованный диалектный материал приведен в принятой финно-угорской транскрипции, снабжен русским переводом и обеспечен необходимой научной паспортизацией.

Во введении (с. 4—14) определяется объект исследования: смешанные мордовские говоры Куйбышевской области, которые автор называет еще «переселенческими». Их формирование проходило и продолжается в условиях активного междиалектного (мокшанско-эзрянского) смещения и межъязыковых (в первую очередь — русско-мордовских) контактов. В зависимости от глубины смещения изначальной языковой основы, на базе которой происходило дальнейшее развитие мордовских говоров Куйбышевской области, автор подразделяет последние на четыре типа:

- 1) эзрянские говоры, испытавшие сильное влияние мокшанских (села Лопатино и Сускан Ставропольского района, Старое Эштебенкино, Сиделькино и Красная Поляна Челно-Вершинского района, Новая Кармала и Степная Кармала Кошкинского района);
- 2) мокшанские говоры, подвергшиеся

сильному влиянию эзрянских (села Верхнее и Нижнее Санчелеево, Новая Бинорадка и Узюково Ставропольского района);

3) смешанные мокшанско-эзрянские говоры (села Новое и Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района);

4) мокшанские говоры с инновациями немордовского происхождения (села Торновое и Шелехметь Волжского района, Подстепки Ставропольского района).

В начале первой главы дан краткий обзор литературы по мордовской диалектологии. Далее всесторонне анализируются сложные парадигмы основного, указательного и притяжательного склонений имен существительных во всех четырех группах говоров, детально рассматриваются грамматические категории имени — числа, падежа, определенности-неопределенности, притяжательности. Таблицы склонения существительных снабжены подробными лингвистическими комментариями. В разделе о притяжательных формах параллельно анализируются синтетические формы, посессивно-последельные конструкции и другие аналитические новообразования.

Во второй главе устанавливаются как первичные древние черты местоименных форм, так и многочисленные инновации, определяется степень варьирования новых форм со старыми в смешанных говорах (особенно II—IV типов), демонстрируется вся сложность становления, формирования и стабилизации местоименных парадигм. В этой очень трудной по материалу главе автор компетентно решает целый комплекс вопросов, связанных с употреблением прономинальных образований; выявляется специфика словоизменительных и словообразовательных форм местоимений в говорах с эзрянской и/или мокшанской языковой основой, прослеживается динамика сложения основных разрядов местоимений в смешанных говорах по сравнению с местоимениями в других мордовских диалектах и литературных языках.

Работа Н. А. Агафоновой содержит обширную информацию об особенностях сложения и развития диалектов смешанного типа. Научные положения и выводы подкрепляются новым и богатым материалом, собранным автором в полевых условиях, т. е. непосредственно в ареалах изучаемых говоров (см. карту № 2, с. 14). По поднимаемым в работе вопросам исто-

рии именных и местоименных форм на обсуждение выносятся разные точки зрения, при этом, как правило, четко обосновывается позиция автора по тому или иному дискуссионному вопросу.

Перейдем к отдельным критическим замечаниям.

В работе, к сожалению, не получил достаточного обоснования очень важный в рамках разрабатываемой темы тезис о первоначальной неоднородности изучаемых говоров. Автор ограничилась простым допущением, что мордовские говоры всех четырех типов «могли быть изначально неоднородны» (с. 6). Между тем необходимость в более развернутом обсуждении истоков этих говоров вытекает из того, что объект исследования в целом объявлен в работе неоднородным в своем генезисе.

Неверно утверждение о том, что мордовское языкознание по смешанным говорам до сих пор не располагает монографическим исследованием (с. 7). Считаем уместным здесь назвать работы, посвященные монографическому описанию мокшанских и эрзянских диалектов смешанного типа: К. И. Ананьина, Верхнеалатырские говоры мокшанского языка. Автореф. канд. дисс., Тарту 1974; М. Т. Библин, Говоры наскафтымской мордвы. Автореф. канд. дисс., Тарту 1966; Т. И. Ломакина, Городищенский диалект мокша-мордовского языка. Автореф. канд. дисс., Тарту 1975; Л. И. Туряева, Эрзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шешмы и Кичуя на территории Татарской АССР. Морфология. Автореф. канд. дисс., Тарту 1973.

Местоименная форма *miñt'* 'наш; нашего' в одном из говоров второго типа (с. Верхнее Санчелеево), по мнению автора, возникла на основе присоединения к генитивной форме личного местоимения *miñ* морфемы определенности *t'*, что конкретизирует и усиливает семантику формы генитива множественного числа 1-го лица (с. 94). Как нам представляется, в усилении семантики рассматриваемого местоимения вообще нет никакой необходимости, поскольку она конкретна и определена — это местоимение 1 л. мн. ч. в отличие от других личных местоимений 2 л. или 3 л. ед. или мн. ч. Поэтому данная диалектная форма образовалась, вероятно, всего, по аналогии с падежными формами личных местоимений 2-го или 3-го

лица. См., например: эрз. *toñt'* (наряду с *toñ*) 'тебя; твой', *siñst* (наряду с *siñ*) 'их' и т. д.

Местоимение *semb'e* 'все' автор считает единственным примером, где сохраняется суффикс сравнительной степени *-mb* финно-угорского происхождения (с. 156). Ср., однако: эрз. *ombo*, мокш. *omba* 'другой' (от местоименной основы *o-*), эрз. *tombale* 'по ту сторону, на той стороне'.

В слове *koli* 'когда' автор пытается выделить элемент *ko-*, восходящий якобы к древней вопросительно-местоименной основе, к которой присоединяется местоименный суффикс *-li* (с. 122). Однако в мордовских языках имеется довольно старое русское заимствование: *коли* 'когда, в какую пору, в какое время; если, когда, буде' (Даль II 137).

В дальнейшем изучении нуждается в говорах второго типа (села Верхнее и Нижнее Санчелеево) процесс образования аблативно-элативных форм послеложных местоимений: *edñ* 'обо мне; от меня; из меня', *edət* 'о тебе; от тебя; из тебя', *edənza* 'о нем; от него; из него', *edənk* 'о вас; от вас; из вас', *edəst* 'о них; от них; из них'. Предложенная на с. 99 интерпретация возможных фонетических преобразований в компонентах, из которых, по мнению автора, сложились перечисленные словоформы, недостаточна, хотя и нарочито усложнена.

Противоречива формулировка на с. 29: «... в речи носителей говоров с. Новая Бинорадка и Узюково ... древний лативный суффикс **-s* (первая часть современного инессива) в отдельных словах после шипящих не сохранился, что не характерно (? — А. Ф.) мордовским языкам». Предлагается уточнение в следующей редакции: В современных эрзянских диалектах формант инессива основного склонения после шипящих в конце основы может реализоваться не только в алломорфе *-nɛ* (< **-s-na/nä*), употребляющейся, в частности, в мордовских говорах второго типа (села Новая Бинорадка и Узюково: *ošnɛ* 'в городе', *ekšnɛ* 'за (чем-нибудь находиться и т. п.)'), но и в алломорфе *-so/-sɛ* (< **-s-na/nä*): эрз. диал. *ošnɛ* ~ *ošso* 'в городе' и др.

Пример на с. 29 *i kolxoznɛ pfičedat'etem robotas* следует перевести 'и колхоз-

ным председателем работал', а не 'и в колхозе председателем работал'.

Все эти замечания касаются внешней стороны и носят скорее характер уточнений, поэтому несколько не могут умалить отмеченных выше научных достоинств работы. Нельзя не подчеркнуть, что исследование Н. А. Агафоновой, восполнившее

существенный порбел в мордовской диалектологии, полезно и нужно не только для финно-угорского, но и общего языкознания. Наука о языке получила новые материалы по проблемам междиалектного смешения и контактов между близкородственными и неродственными языками.

А. П. ФЕОКТИСТОВ (Москва)